

Выезд Сокольника и бой его с Ильей Муромцем

Нонь от морюшка-моря, да моря синёго,
От того же от морюшка Холодного,
От того же от камешка от Латыря,
Да от той же бабы-девки Латыгорки
Поежджаёт Сокольник да на цисто полё.
Да просил же от матушки благословленьице, —
Благословляла ёго матушка по цесности.
На поезди Сокольнику наказыват:
«Уж ты ой еси, моё да цядо милоё!
Уж ты выедёшь нонь да на цисто полё,
Увидашь ты-де старого седатого —
Да соскакивай ты да со добра коня,
Да снимай ты-ко шляпоцьку пуховую
Да низко старику — да низко кланяйсе:
Да старой-ёт седатой — тебе родной отець!»
Тому слову Сокольник да не ослышилсэ.
Да пошел где Сокольник да на конушин двор,
Выбирал он себе да коня доброго,
Да накладывал уздицю да нонь тасмянную,
Да застегивал двенаццэт под[п]руг шолковых
Да тринаццату через степь было — лошадинну кость:
Да не ради басы — да ради крепости,
Ище ради укрепы да богатырьскойей,
Ище ради поездки да молодецькойей —
Не оставил бы доброй конь в цистом поли.
Да пошли смотреть поезку да богатырскую —
Только видели: удалой да в стремяна ступил,
Да не видели сажженьица на добра коня.
Да завидели: в поли да курева стоит,
Курева-де стоит — да дым столбом валит.
Выезджал бы Сокольник да на цисто полё —
Да на ето роздольицо широкоё,
Да на ети на шоломени ровныя —

Да на ровны на шоломя окатисты,
Да на ту же на свалку да богатырьскую.
Ище ездит Сокольник да потешаицьсе
Да дворянским утехами занимаицьсэ:
Он выбрасыват копьё да высоко под верхь,
Высоко где под верхь мецёт под облако;
Да клонит где копьё на стольне Киев-град;
Да правой где рукой копьё выбрасывал —
Да левой где рукой копьё подхватывал.
Нонь не в то где время было, не в ту пору
За крепкой-де стеной да во белом шатри
Да сидел где старой да со дружиною,
Да со етима сидел да со товаришшами.
Выходил где старой на широку улицу;
Заходил где старой да на крепку стену;
Да смотрел где во трубочку в подзорную
Да во то же колецюшко жемцюжноё
Да на вси ли на четыри дальни стороны:
Да на перву сторонку — да ко синю морю,
Да на втору сторонку — да ко Бару-граду,
Да на третью сторонку да на востосьнюю,
На четвёрту сторонку — да на цисто полё.
Да увидел где на поли супротивника,
Супротивника на поли — постановника.
Соходил где старой да со бела шатра,
Заходил где старой да в бел хорош шатёр,
Говорил где старой да таковы реци:
«Уж вы ой еси, брáтея названая!
Да кого нам послать да на цисто полё
Ище сведацьсе с невежой да переведацьсе?
Да послать где Цюрила да Голощапого:
Он силой-то не силён, да как напуском смел,
Да напустит где на поли не свою ровню,
Не свою где ровню да не свою чоту, —
Потерят заневид свою буйну голову.
Да послать где Олёшеньку Поповица:
Он силой-то не силён, дак напуском смел —
Потерят заневид свою буйну голову.
Да послать-де Добрынюшку Мекитица:

Не уцёна его вежь-да, да спорожоная —
Он умет на цистом поли сотти-съехацьсе,
Да умет где Добрыня да поздоровацьсе,
Да умеёт Добрынюшка как цесть отдать!»
Ище стал-то Добрыня да снарежатисе,
Ище стал где удалой сподоблятисе.
Да пошол где Добрыня на конушин двор,
Выбирал где Добрыня да коня доброго —
Да того же он бурка да неежджалого,
Да накладывал уздицю да нонь тасмяную,
Да застегивал двенаццэт подпруг шолковых,
Да триннаццата через степь была — лошадинну кость:
Да не ради басы — да ради крепости,
Ище ради укрепы да молодецькоей,
Ище ради поездки да богатырьскойей —
Не оставил бы доброй конь в цистом поли.
Да пошли смотреть поездку да богатырьскую —
Ище видели: Добрынюшка в стремяно ступил,
Да не видели саждженица на добра коня.
Только видят: нонь в поли да курева стоит,
Курева где стоит — да дым столбом валит.
Да изъедуци Добрыня да греди черныя,
Да изъедуци Добрыня да лёсы темныя,
Да изъедуци Добрыня да реки быстрыя,
Выежджаёт Добрыня да на цисто полё —
Да на то же роздольё да на широкоё,
Да на те же на шоломени ровныя —
Да на ровныя шоломя, окатисты,
Да на ту же на свалку да богатырьскую.
Да завидял он Сокольника на цистом поли.
Ище ездит невежа да потешаицьсе,
Да дворянскимма утехами занимаицьсе:
Он выбр[ас]ыват копьё да высоко под верхь —
Высоко где под верхь мецёт под облако;
Да правой где рукой копьё выбрасыват —
Да левой где рукой копьё подхватыват;
Да клонит где копьё на стольно Киев-град,
Ище сам где копью да прыговарыват:
«Увидать где бы старого седатого,

Да старóго где казака Илью Мурамца
Да срубить у его да буйна голова,
Изрубить бы его да в мелки цереньё,
Розметать бы его да по цисту полю —
Да церным-то вранам да на пограяньё,
Да серым-то волкам да на ростасканьё!»
Ище конь его бежит — только земля дрожжит;
На правом плечи сидит да как есён сокол;
К леву стремяну сприкован да нонь как серой волк;
Да ископыти лёжат да как пеценьки ведь лютыя,
Ище лютыя пецьки да нонь кирпичьня.
Да сос[ка]кивал Добрыня да с коня доброго,
Да снимал он где шляпоньку пуховою,
Да низко-де Добрыня да поклоняицэ:
«Уж ты здрастуй, удалой доброй молодец!
Ты которого города, коей земли
Да которой ведь дальнее украины?»
Отвецял ему Сокольник да громким голосом:
«Да добром как ты спрашивашь — дак буду сказывать.
Я от морюшка-моря да нонь Холодного,
Я от той же бабы-девки Латыгорки;
Ище есь я Сокольник молоденькой
Да Сокольник молоденькой — розбойничок!»
Говорыл где Сокольник да таковы реци:
«Увидать где мне старого на цистом поли —
Да срубить бы у его да буйна голова,
Изрубить бы его да в мёлки цёреньё,
Роскинуть бы его да по цисту полю
Да церным воронам да на пограеньё,
Да серым где волкам да на ростасканьё!»
Да накладывал он шляпоньку пуховую,
Да садилсэ Добрынюшка на добра коня,
Да поехал он вобрат да в стольне Киев-град.
Заходил где Добрыня да в бел хорош шатёр,
Отвецял он старому да вести скорыя.
Помутились у старого да оци ясныя,
Розгорелось у старого да ретиво серьцё,
Росходились у старого да могуци плеча.
Побежал где старой да на конушин двор,

Выбирал он себе да коня доброго,
Да накладывал уздицу да он тасмяную,
Да застегивал двенаццэт подпруг шолковых,
Да тринаццата через степь была — лошадинну кость:
Да не ради нонь басы — да ради крепости,
Ище ради где укрепления да молодецкой,
Ище ради поездки да богатырьской —
Не оставил бы доброй конь в цистом поли.
Да пошли смотреть поездку да богатырскую —
Ище видели: стар да в стремяно ступил,
Да не видели сажженица на добра коня.
Только видят: нонь в поли да курева стоит.
Да изъедуци старой да грезе черныя,
Да изъедуци старой да лёсы темныя,
Да изъедуци старой да реки быстрыя,
Выезджал где старой да на цисто полё —
Да на то же роздольцо широкоё,
Да на те же на шоломя на ровныя.
Да на ровныя шоломя, окатисты,
Да на ту же на свалку да богатырскую.
Закрывал где старой да громким голосом:
«Уж ты ой еси, ворона да перелетная!
Не уловила ты сокола — теребишь нонь!»
Ище съехались ребята да поздоровались:
Вострыма саблями рубились — один одного да там не ранили;
Во руках у их сабли да розгорелисе —
На сыру где землю они попадали.
Они палицами бились да нынь буёвыма;
Во руках у их палицы розгорелисе —
На сыру где землю да нынь попадали.
Ище копьеми они вострыма кололисе,
По насадоцькам копейца у их свертелисе —
Ище тем боём друг друга не ранили.
Соскоцили ведь они да со добрых коней
Да схватилисе плотным боём, рукопашкою, —
Ище бились они, да тут водилисе.
Да не много тому времени минуло нонь,
Ище не много, ровно деветеро суток —
Ище тут-то старому да бес подмўтивал:

Да права-та нога у старого окатиласе,
Да лева нога у стара да подломиласе —
Да упадал старой да на сыру землю.
Да наскакивал Сокольник да на белы груди,
Вынимал где Сокольник да как булатен нож,
Ище хочот пороть да где белы груди.
Ище тут-то старой да как роздумалсэ;
Да змолилса он Спасу да нонь Прецистому,
Пресвятой Матери Божьей да Богородици:
«Да стоял где за веру да нонь крещоную,
За крещону веру да благословлёную
Да за те же монастыри почесныя —
Ище все нонь святы дак отступилисе!»
Ище стало у старого силы прибыло,
Ище стало как силы нонь вдвоём-втроём.
Не услышил Сокольника на белых грудях:
Он выкидывал Сокольника высоко под верхь.
Да скакал бы старой да на резвы ноги,
Да подхватил Сокольника на белы руки —
Опускал бы Сокольника на сыру землю,
Да наскакивал бы Сокольнику на белы груди,
Да ростегивал латы нонь булатныя —
Да хотел где пороть да как белы груди,
Вынимать у Сокольника ретиво серъцо.
Поималсэ Сокольник да за булатен нож,
Поималсэ Сокольник да как правой рукой.
Увидал-то старой да у Сокольника на правой руки,
Увидал где старой да имянной перстень —
Ище брал где Сокольника за белы руки,
Становил где Сокольника на резвы ноги,
Цоловал где старой в уста сахарныя:
«Уж ты ой еси, ты молодец удалой нонь!
Ище ты где-ка мне-ка да нонь родимой сын!»
Розоставили они да бел хорош шатёр.
Ище тут-то они с побоища великого
Ище нацели они да опоцев доржать —
Засыпал где старой да ноне крепким сном.
Ище тут-то Сокольнику стало думацьсе:
«Ище как мне-ка старого сгубить будёт?»

Выходил-то Сокольник да из бела шатра,
Да садилсэ Сокольник да на добра коня
Да поехал к родимой да своей матери.
Выходила егова матушка на сходёнки,
Да на те же на сходни да нонь дубовыя,
Говорила его мати да таково слово:
«Уж ты ой еси, моё да цядо милоё!
Как из дому-ту поехал, да как мать родила,
Да из дому-ту поехал да как-быть маков свет —
Из циста поля едёшь — да сам шатаишьсе!»
Отвецял-де Сокольник да своей матушки:
«Ище былью стар хвастат да але небылью?
Ище былью как хвастат — да нонь тебя убью!
А как небылью — да нонь ёго убью!»
Да воткнул-де свою матушку вострым копьём,
Да вострым-де копьём да нонь тупым коньцём —
Да упала со сходёнок дубовых.
Ище нонь его матушки славы поют.
Оворацивал Сокольник да коня доброго
Да на то же поехал да на цисто полё,
Приезджал где к старому да ко белу шатру —
Да воткнул где старого да нонь вос[т]рым копьём,
Да воткнул где старому да в груди белыя:
Да хотел его зашибци да ноне до смерти.
Ище тут у старого седатаго
Ище крест-от ведь был да полтара пуда,
Ище латы-ти были да шезьдесят пудов —
Да ушло где копьё да по рукам в землю.
Пробужалса тут старой да от крепкого сну,
Выходил где старой да из бела шатра
Да хватал где Сокольника за белы руки
Да выбрасывал Сокольника высоко под верхь,
Ище выше его дерева стоецёго,
Ище ниже нонь облака ходецёго —
Ище тут где старой да не подхватывал.
Да упал где Сокольник да на сыру землю —
Ище тут где Сокольник да весь россыпалсэ.
Розрубил где старой да в мелки цереньё,
Розбросал где Сокольника по цисту полю

Да черным где вранам да на пограеньё,
Да серым где волкам да на ростасканьё.
Да прославил-де стар Бога нонь Великого
Да поехал-де вобрат да в стольнёй Киев-град.

*(Зап. А. Д. Григорьевым 6 августа 1901 г.: д. Большие Нисогоры — от
Мартынова Александра Михайловича, по прозвищу Олёкса Большой (из д.
Малые Нисогоры), 73 лет.)*

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым
в 1899-1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.